

Содержание

Предисловие	7
Смотритель на Вестермаркте	12
Вермахт в здании	22
Спрятанные сокровища	31
«Перераспределение»	40
Красное платье	49
Бой	58
Нет выхода	65
Люди в убежище	73
Старый знакомый	82
Лекарства и штампы	93
Невидимая сеть	106
Напуганные, подавленные, отчаявшиеся ..	112
Новые соседи снизу	121
Шпион или предатель?	132
Медный чан эгг-нога	143
Капуста и яблочный пирог	157
Преждевременный день рождения	164
Преданные	178

<i>Tut mir leid</i>	187
Местъ СД.....	193
Тяжелые последние месяцы	201
Анс ван Дейк и предательство тайного убежища	208
Люди в книге	212
Благодарности.....	214
Дополнение к истории Джерарда Кремера.	216
Дополнение Ганса Лама.....	218
Дополнение Матейса Шуйтемакера	220

Предисловие

У меня дома висит картина, на которой изображен небольшой район Амстердама: вид на Вестерторен с Принсенграхта. Я провел детство в этом районе. Оно было счастливым, несмотря на то что родился я во время войны. Я купил картину много лет назад в подарок жене. Подарок обошелся дорого, но я просто не мог его не взять. Моя жена Тоос родилась и выросла в Амстердаме, как и я. Если приглядеться к картине, можно увидеть дом, теперь известный как «тайное убежище Анны Франк и ее семьи». Я не заметил этого, когда покупал картину, так что это оказалось невероятным совпадением.

Иногда не понимаешь, насколько человек важен, пока не приблизишься к нему по возрасту. Мой отец Джерард (в честь которого меня называли) был как раз таким человеком. Разумеется, для меня он всегда был важен, он ведь мой отец. Скромный человек. Он всегда много и усердно

работал. В детстве меня едва ли интересовало, чем он занимается.

Я родился в 1943 году, в самый разгар Второй мировой войны. В детстве я почти ничего не знал о том, чем отец занимался во время оккупации: он не считал нужным делиться этой информацией. В то время он с маминой помощью просто делал, что было необходимо, как, по его мнению, поступил бы любой достойный человек.

Однако события глубоко его коснулись, они тихо жили в нем на протяжении многих лет. Обо всем стало известно намного позже, когда мы, дети, уже разъехались и создали собственные семьи, когда у всех появилось время все обдумать. Тогда долго подавляемые воспоминания вырвались наружу. Отец не мог уснуть и ночами бродил по дому, преследуемый прошлым. Мне надо было уехать в Канаду по работе, и моя жена Тоос несколько месяцев прожила с ним. В такие ночи, когда отец беспокойно бродил по дому и воспоминания буквально рвались из него, Тоос ставила чайник (спать все равно не получалось) и садилась слушать его истории.

Он рассказал ей то, чего никогда не рассказывал собственным детям. Наверное, не хотел нас грузить, да и кому понравилось бы рассказывать детям подобные ужасы? Он боролся со

страхом, рисковал, обманывал и совершал вылазки под пристальным взглядом оккупантов. Он подвергал себя опасности, таким образом подвергая ей и нас. Но у него не было выбора; ему, по случайному стечению обстоятельств, выпал шанс сыграть важную роль в ходе войны и в жизни района, недалеко от Вестерторена и за углом «тайного убежища». Он видел сестер, Анну и Марго, гуляющих по району перед началом войны за руку с отцом Отто. Но мой папа даже не представлял, что они прятались так близко к нашему дому, пока их не выдал кто-то в августе 1944 года; это предательство едва ли не убило моего отца.

Но не будем забегать вперед. Со временем отец стал рассказывать все больше и больше, и я начал отчетливо понимать, какую роль они с матерью сыграли в войне. Многие делали то, что должны были, что казалось им единственным правильным выбором. Многие не говорили об этом ни слова после освобождения. Возможно, это часть нашего национального характера: судят не по словам, а по поступкам. Или им было слишком больно это вспоминать. К чему беречь память об этой ужасной войне? Им надо было жить дальше, смысла жить в прошлом не было, а от рассказов еды дома больше не станет.

Моя работа в Канаде не увенчалась успехом, поэтому я вернулся в Нидерланды. Понемногу жена стала рассказывать мне истории, которые отец ей доверил. Я был потрясен до глубины души, но не представлял, что делать с этой информацией. У нас была семья, маленькая дочь, активная жизнь. Я много путешествовал из-за работы. Истории отца отошли на задний план, но я их не забыл.

Какое-то время назад я ушел на пенсию и наконец достиг того возраста, в котором человек начинает размышлять над прожитой жизнью. Память — интересная штука. Иногда воспоминание будто прячется на многие годы, чтобы потом резко и неожиданно вернуться: от голоса, запаха, имени. С возрастом я замечаю, что все больше и больше воспоминаний стали возвращаться ко мне, как запоздалое эхо. Только сейчас я начинаю полностью осознавать, через что прошел отец. Я понял, что все эти годы он хранил недостающие детали пазла: загадки, кто выдал тайное убежище семьи Франков; вещи, которые были известны только ему, которыми он не поделился. Мой отец скончался, так что, если никто не поделится этой историей сейчас, она канет в небытие.

Я решил, что хочу предоставить историю отца публике. С одной стороны, чтобы отдать

должное опасной работе, которую отец проделал для всего района Вестерторена. С другой, потому, что эта история проливает новый свет на человека, предавшего обитателей тайного убежища. Я лично убежден, что рассказ моего отца содержит важную новую информацию. Папа скончался, да и я сам давно не молод, поэтому пришел момент поделиться с публикой этой военной историей.

Смотритель на Вестермаркте

Январь 1941 года

На углу Вестермаркта и Кейзерсграхта величественно возвышалось огромное офисное здание. Джерард Кремер позвонил в дверь второго дома на Вестермаркте. Звонок оказался громким, звук прошелся по всему зданию. Щелчок, и тяжелые деревянные двери открылись. Джерард вошел в дом и аккуратно прикрыл за собой двери. Внутри, в будке рядом с вращающейся стеклянной дверью, сидел консьерж. Дверь не вращалась.

— Вы к кому? — поинтересовался консьерж.

— Я к господину Вюрдеманну, — ответил Джерард. — Он меня ожидает.

Консьерж критически осмотрел его из своей стеклянной будки и взял телефонную трубку. За этим последовал короткий разговор, который не был слышен посетителю. В конце концов консьерж кивнул и запустил вращающуюся дверь. Джерард прошел в коридор с высокими потол-

ками и плиточным полом. В конце коридора находилась внушительная мраморная лестница с деревянными перилами. Откуда-то доносился слабый запах свежего кофе, настоящего, Джерард давно от него отвык.

Джерард остановился со шляпой в руках. Одна из боковых дверей открылась, из нее вышел высокий и, без сомнения, богатый человек и направился к нему, протягивая руку.

— Кремер, верно? Моя фамилия Вюрдеманн. Пройдемте в мой офис.

Господин Вюрдеманн развернулся и зашагал с уверенностью человека, указаниям которого следуют всегда. Они направились к последней двери длинного коридора, по пути миновав несколько кабинетов, в которых сидели девушки с печатными машинками. Здание оказалось куда шире, чем Джерарду показалось снаружи. Вошли в офис, где царила совершенно иная атмосфера. Там находились стол из красного дерева и обитое кожей рабочее кресло. Напротив кожаного кресла стояло обыкновенное. Мужчина указал на последнее, и Джерард послушно туда сел. Он подумал, что было бы неплохо получить от мужчины не только работу, но и чашечку свежего кофе. В тот момент Джерард даже не мог решить, какой вариант его больше привлекает.

Вюрдеманн уселся напротив в кожаное кресло и сразу перешел к делу:

— Кремер, мы можем предложить вам должность смотрителя. Насколько я понимаю, вы нам подходите.

Джерард перевернул шляпу.

— Надеюсь, сэр. Во всяком случае, думаю, я вам подхожу.

— Кем вы раньше работали?

— Я ювелир. То есть я был ювелиром. Но вы сами понимаете, в таких условиях это больше невозможно. Мой работодатель, господин Полак...

Он не договорил. Вюрдеманн кивнул. Запрет заниматься торговлей алмазов повлиял не только на многих евреев, но и на их коллег, которые могли и не быть евреями. Одним вечером, незадолго до этой встречи, Джерарду сообщили, что на работе его больше не ждут. Он очень скучал по работе, хотя старался не подавать виду, и ни за что бы в этом не признался. Ему нравилась тонкая работа, нравилось создавать идеальные образцы. Также он скучал по многим знакомым; по ходу дела Джерард довольно органично вошел в местное еврейское общество. Отцы приглашали его на бар-мицвы сыновей, делились с ним как хорошими новостями, так и плохими. Но эти дни остались позади, и теперь Джерарду нужно было как можно скорее найти новую работу.

— Понятно. Нам нужен человек, на которого можно положиться, который умеет работать с инструментами, — Бюрдеманн оценивающе оглядел Джерарда. — Смотритель должен заниматься мелкими починками снаружи и внутри здания. Но это еще не все. На занимающего эту должность возлагается особая ответственность: Вы будете хранителем ключей от всех дверей в здании. После рабочего дня люди своевременно расходятся. Консьерж тоже уходит домой, соответственно, охранником здания остаетесь вы. Новый смотритель должен будет сюда переехать, мы отводим для жилья последний этаж. Вы женаты, так ведь?

Джерард кивнул.

— Прекрасно, — ответил Бюрдеманн. — К работе нужно приступить как можно скорее. Я проведу вас по зданию и, надеюсь, сегодня же приму решение.

Он поднялся. Джерард скромно последовал за ним и впервые обошел здание, в котором ему предстояло проработать следующие 28 лет.

Бюрдеманн рассказал, что его семья купила дом №2 на Вестермаркте. Много поколений семьи занимались торговлей напитками, и в подвале этого дома проводилась перегонка алкоголя. Первым делом Бюрдеманн отвел Джерарда посмотреть на винокурню. Они прошли мимо огромных медных чанов. Воздух там был тяже-

лый, пропитанный алкоголем. Джерард даже уловил сладкий запах эгг-нога.

Связанные с этим видом деятельности офисы находились на первом этаже, этажом выше занимались обжаркой кофе. Дальше находилось еще четыре этажа с офисами разных фирм. Во время экскурсии Джерард заметил, что жизнь на каждом уровне бьет ключом. В коридорах они сталкивались с людьми, несущими горы документов. Эти люди уступали им дорогу и вежливо здоровались с обоими. Вюрдеманн едва ли обращал на них внимание, он поднимался по лестнице широкими шагами, периодически указывая на кабинеты, трещину в какой-то оконной раме, краску на стенах.

— Перекраска тут не помешает, но для этого мы хотим нанять отдельного человека.

Джерард отметил, что здание было относительно новое, в хорошем состоянии, и решил, что легко справится с небольшими ремонтными работами. В конце концов они добрались до шестого (последнего) этажа. Там, прямо под крышей, стены шли под наклоном, а комнаты были намного меньше.

— Здесь будет ваш новый дом, — сказал Вюрдеманн.

Джерард осмотрел комнаты: две спальни, гостиная с газовым обогревателем, небольшая кухня

жилье. Тут даже хватит места для детской, если она нам понадобится.

Беп что-то пробормотала и принялась разбирать коробки с вещами.

— Я не знаю, куда все сложить, — сухо сказала она.

Джерард понимал: Беп передумает. Она не хотела переезжать, им пришлось, а когда что-то шло не по плану, она всегда раздражалась. Также ее очень заботило мнение окружающих. Но теперь был хотя бы один плюс: у мужа появилась работа, еще и в таком большом здании. Можно не стесняться рассказывать это подругам. И Беп не боялась работать руками: несмотря на озвучиваемое недовольство, она уже раскладывала вещи по ящичкам и двигала мебель.

— Вис и Леви придут помочь? — спросил он.

Вис — сестра Беп. Леви — ее муж, еврей. Ему тоже недавно сообщили, что работодатель больше не имеет права его содержать.

— Может быть потом, — ответила Беп. — Кто-то сказал Леви, что где-то для него может быть работа, он должен пойти и узнать сегодня.

— Будем надеяться, что остались люди, готовые брать на работу евреев, — сказал Джерард.

— Не знаешь, что стало с Полаком?

— Понятия не имею.

с проведенной горячей и холодной водой. Места было немного, но имелось все, в чем Джерард нуждался. Была даже плоская крыша — идеальное местечко для летних дней. Оттуда открывался чудесный вид на дома Принсенграхта и Кейзерсграхта с одной стороны и Лелиграхта — с другой. Внизу располагался двор с садом, объединяющий все близстоящие дома. Доносилось звучание карильона из Вестерторена: только что пробило три часа. Джерард повернулся к Вюрдеманну.

— Я хотел бы у вас работать.

— Прекрасно, — улыбнулся Вюрдеманн. — Тогда поздравляю, вы наняты.

Две недели спустя Джерард и Беп Кремер переехали в это величественное здание. С одной стороны, за дверью гаража, располагался служебный вход, оснащенный грузовым лифтом. С его помощью Джерард с Беп поднимали свои чемоданы наверх. Беп изучила комнаты.

— Такой роскошный дом, — сказала она. — Жаль только, что мы все время будем сидеть под самой крышей, как какие-то голуби.

Джерард усмехнулся. Он знал, что жена любит роскошь. Ей нравилось носить дорогую одежду и шляпки, в идеале — с лисьим мехом.

— Места тут достаточно, — он пожал плечами. — К тому же выбора у нас нет. Повезло, что я вообще нашел работу, которая предоставляет

Бывший работодатель Джерарда внезапно пропал, а с ним — жена и дети. Такое теперь происходило с еврейскими семьями все чаще и чаще. Семьи исчезали, при этом все их вещи дома оставались нетронутыми. Их забирали, куда-то увозили? Они сбегали, где-то скрывались? У соседей, как правило, не было ответов. Иногда казалось, что они что-то знают, но никто ничего не рассказывал. А Джерард не настаивал. Его это не касалось, да и чем меньше знаешь, тем меньше проблем.

— Фух! — Беп заправила прядь волос за ухо. — Может, чайку? И перекусим. Мы заслужили.

— Присядь, отдохни, — сказал Джерард. — Я поставлю чайник.

Он быстро привык к работе смотрителя. Здание было в хорошем состоянии, но работы все же оказалось больше, чем Джерард ожидал. Ему вручили огромную связку ключей, которые выглядели совершенно одинаково. Ключ от двери, от служебного лифта, от подвала, от вращающейся двери, от комнаты консьержа. Первым делом он решил распределить ключи на доске и привязать к каждому определенный цвет. Так было хотя бы проще подобрать нужный ключ. Сотрудники различных компаний быстро к нему привыкли, и после пары небольших починок (скрипучее окно теперь закрывается нормально, устранена протечка) все запомнили, где его искать.